

ИНФИНИТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ: ВИД, ВРЕМЯ, ЛИЦО, ТИПОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ*

© 2015 г. Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 199053, Россия; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия
dym2005@list.ru

Изучается разновидность инфинитивных оптативных высказываний, отвечающих моделям *He Inf бы* и *Как бы не Inf* и выражающих нежелательность некоторой ситуации с точки зрения говорящего. Рассматривается варьирование категориального значения контроптативности (сожаление, упрек, совет, просьба, квазиоптатив, опасение, предостережение, угроза) в зависимости от комбинации значений ключевых параметров модели: вида инфинитива, персональной отнесенности высказывания и его темпоральной характеристики. Предложено понятие темпорального вектора инфинитивного высказывания (с пятью частными значениями). Показана зависимость вариантов категориальной ситуации контроптативности от скрытой транспозиции лица и дистанции между говорящим и субъектом инфинитивной конструкции. Выявлены ограничения временной перспективы рассмотренных моделей: для первой закрыты ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор и ретроспективный при совершенном виде инфинитива, вторая может иметь только референцию к будущему.

Ключевые слова: инфинитивное предложение / высказывание, контроптативность, частные значения, персональная отнесенность, темпоральный вектор, скрытая транспозиция лица

«COUNTER-OPTATIVE» INFINITIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN: ASPECT, TENSE, PERSON, AND VARIATION OF THE CATEGORIAL MEANING

Michail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 199053, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
dym2005@list.ru

The paper is focused on the counteroptative subtype of infinitive clauses / utterances, which correspond to the *Ne INF by* and *Kak by ne INF* patterns and signify undesirability of a certain situation, from the Speaker's point of view. The regular variation of the counteroptative categorial meaning (regret, reproach, advice, request, quasioptative, apprehension, forewarning, and threat) is considered, which depends on a combination of values of the key parameters of the model: the aspect of the infinitive, personal reference of the utterance and its temporal characteristics. The concept of a temporal vector of an infinitive utterance, including five particular values, is proposed. It is shown that the variation of the counteroptative categorial situation is also influenced by the hidden personal transposition and the distance between the Speaker and the Subject of the infinitive construction. The limitations on the temporal perspective for the two models are identified: the first one cannot have the retrospective-antecedent temporal vector, neither can it be used in the retrospective vector if the aspect of the infinitive is perfective; the second one can refer only to the future.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00380.

Автор благодарит М. Д. Воейкову, Е. В. Горбову, В. Б. Касевича и в особенности рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные замечания и советы.

Keywords: infinitive clause / utterance, particular meanings, counteroptativity, personal reference, temporal vector, hidden personal transposition

1. Введение

Цель данной работы заключается в исследовании двух разновидностей невопросительных инфинитивных высказываний (**ИВ**)¹, выражающих значение нежелательности и представляющих собой, таким образом, подтип оптативных инфинитивных конструкций. В основе рассматриваемых высказываний лежат синтаксические модели²:

- (А) *Не **Inf бы** (Не опоздать бы нам к поезду) и*
 (Б) *Как бы не **Inf** (...как бы не опоздать, в конце концов)*³.

Обе разновидности были отмечены К. А. Тимофеевым (чеховские примеры также выбраны им), серия работ которого ([Тимофеев 1950; 1951; 1954; 1956] и др.) до сих пор сохраняет свое научное значение. Для простоты можно считать (Б) вариантом (А), хотя фиксированная постпозиция частицы *бы* при инициальной частице (*Как бы*) и вообще иной порядок компонентов имеют значение. Есть еще одно различие — в границах временной референции, — о котором будет сказано ниже. Далее в тех случаях, когда различия между (А) и (Б) существенны, они будут оговариваться, в остальных случаях (А) и (Б) будут объединяться в понятие «инфинитивное высказывание со значением нежелательности», или «контроплативное инфинитивное высказывание».

В ряде работ последнего времени, посвященных инфинитивным предложениям, модель (А) — в отличие от (Б) — в той или иной мере попадает в поле зрения, но отдельным объектом описания не становится [Fortuin 2000; Добрушина 2012; Dobrushina 2013; Сай 2013; Israeli 2014].

1.1. Необходимые ограничения

1.1.1. Модель *Не Inf бы* (А) способна выражать не только значение нежелательности, но также значение контрфактичности, однако в этом случае высказывание или его ближайший контекст содержит компонент со значением (гипотетического) условия. Это может быть детерминант, придаточное, первая (как правило) часть бессоюзной конструкции, союзно-местоименный комплекс и др. (*Без твоей помощи... / Если бы ты не помогал... / Не помоги ты мне... / Хорошо, что ты был рядом. А то / Не то не справиться бы мне с этой работой*). Ср.:

- (1а) *Во-первых, без революции не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора* [А. Битов. Азарт, или Невозможность ненаписанного]⁴;
- (2) *Взять хотя бы этого Веню, Голиков, кажется, его фамилия, язык у него — главный враг и ложное фанфаронство, набрал в Амстердаме журналов антисоветских, да не таился — открыто, старший группы, конечно, сразу доложил, такие дела в то время не прощали, не видать бы парню моря, а все же удалось повернуть все на аморалку, не за антисоветчину вздрючили, а все в тот скандал уперлось, когда застали его с буфетчицей* [О. Глушкин. Последний рейс].

¹ Мы последовательно различаем понятия предложения и высказывания. Сокращение **ИП** используется в том случае, когда речь идет о языковой модели, сокращение **ИВ** — во всех остальных случаях.

² Об используемых ниже понятиях речевой синтаксической модели и модели высказывания см. [Дымарский 2005; 2013].

³ Возможна мена *Как* на *Только, Лишь*.

⁴ Здесь и ниже примеры из [НКРЯ].

В (1а) условие гипотетическое: это знание содержится в пресуппозиции читателя, и его достаточно для понимания контрфактичности значения ИВ. В (2) логический рисунок сложнее. Условие здесь не гипотетическое (*...не прощали*), поэтому возникает необходимость объяснить причину, отменившую неизбежное следствие, в правом контексте.

Таким образом, высказывания, опирающиеся на речевую модель *He Inf бы* и выражающие контрфактическое значение, в общем случае могут быть схематизированы как *{Caus} He Inf бы*. Наличие компонента *{Caus}* является решающим для признания контрфактического значения семантической доминантой высказывания. Н. Р. Добрушина, анализируя пример (1а), экспериментирует с контекстом:

(1б) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Сколько несчастий обошло бы его стороной;*

(1в) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Пока еще открыты пути к отступлению*

и констатирует: «Пример (б) также является контрфактивным, однако он интерпретируется как сообщение о желаемой / необходимой ситуации: с точки зрения субъекта оценки, жениться не стоило. Пример (в) отличается от (б) только тем, что он лишен контрфактивности — ситуация является реализуемой» [Добрушина 2012: 49]. С нашей точки зрения, появление в (1б) значения нежелательности смещает контрфактическое значение на второй план. И по семантике, и интонационно (1б—в) несравненно ближе друг к другу, чем к (1а). Для сопоставления интонационных рисунков (1а—в) можно воспользоваться простым аналитическим приемом, предложенным в [Israeli 2014]. Алина Израэли справедливо полагает, что высота (pitch) тона на ударном слоге рематического инфинитива отличается от высоты тона на ударном слоге ремы нейтрального утвердительного предложения. Ее примеры (цифрами автор помечает возрастающую высоту тона): *Я извини¹лся; Тебе бы извини²ться... (совет); Тебе бы извини³ться, а ты взял и уехал (сожаление)* [Ibid.: 152—153]. Очевидно, что применение этого приема убеждает в интонационном тождестве (1б—в) и их принципиальной отлучии от (1а). Если (1а) возникло в тексте А. Битова именно с целью сообщения о невозможности женитьбы, если бы не было революции, то есть с целью выражения контрфактического значения, то (1б—в) возникают в результате совершенно иных намерений говорящего.

Следует согласиться с Н. Р. Добрушиной, заключающей: «...значение безоценочной контрфактивности создается за счет элемента “без революции”, который сообщает о том, что ситуация контрфактивна, так как читатель знает, что революция была. Этот элемент, по сути, является формулировкой контрфактивного условия» [Добрушина 2012: 49]. На этом же основании следует отнести (1б), как и (1в), к высказываниям со значением нежелательности: присутствующее в (1б) контрфактическое значение не поддерживается компонентом *{Caus}* («формулировкой контрфактивного условия»), смещено на второй план и не определяет семантику и функции высказывания в контексте. Высказывания с контрфактическим значением (с элементом *{Caus}*) ниже рассматриваться не будут.

1.1.2. Модель *Как бы не Inf* (Б) также способна к различному функционированию. Во-первых, она частотна в изъяснительных придаточных при лексемах со значением речемыслительной деятельности (*думать, мысль*), эмоций (*бояться, опасаться*), целенаправленной деятельности (*хлопотать, заботиться*):

(3) *...при нем (Карле Богдановиче. — М. Д.) Петя мгновенно умолкал, весь как-то съежился и думал о том только, как бы не заплакать...* [Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик];

(4) *Бывало, ешь, пьешь, а, между прочим, боишься, как бы нечистую силу не проглотить* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы].

Эти же придаточные встречаются и в местоименно-соотносительных конструкциях вменяющего типа:

- (5) *Все помышления мужика-хозяина клонятся к тому, как бы не закабалиться в работу, быть свободным летом в страду, он все претерпевает, лишь бы сохранить свободу для своего хозяйства* [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни].

В подобных случаях группа *как бы* функционально (и, видимо, семантически) сближается с союзом *чтобы* и, как правило, может быть им заменена⁵, ср.:

- (3а) ...думал о том только, чтобы не заплакать;
 (4а) ?...боишься, чтобы нечистую силу не проглотить;
 (5а) ...клонятся к тому, чтобы не закабалиться в работу.

Вместе с тем функционирование (Б) в качестве изъяснительного придаточного сопровождается выражением того же контропативного значения, что и в независимых реализациях:

- (6) *«Переждать теперь надобно, — подумал он, — если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то чтобы разуверились... как бы только не кашлянуть, не чихнуть...»* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы];
 (7) *Исправник был в хороших отношениях с протопопом. Протопоп, услышав об отшельнике, сказал исправнику: — Смотрите, Иван Федорович, — это дело неладно! — Как бы вам хлопот не нажить с этим старцем... Ведь это сектантством пахнет* [П. В. Засодимский. Пропал человек (Из деревенских летописей)].

Во-вторых, модель (Б) функционирует в высказываниях, имеющих форму риторического вопроса и утверждающих возможность некоторой ситуации:

- (8) *Вот что конфузит-то нас! А то как бы не жить! Житье — первый сорт! — И то еще ладно, капитан, что вы хорошее расположение духа не утратили! — усмехнулся я* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи].

В подобных случаях *как*, явно устаревшее в этом варианте конструкции, поддается замене на *почему, отчего (почему/отчего бы не жить)*.

В-третьих, модель (Б) может функционировать как целевое придаточное, хотя такие случаи весьма редки и допускают иные интерпретации:

- (9) *Проснулись русские утром, видят — все партии, что у них были, исчезли. Сперва подумали, что на них тля какая-то напала, но тогда бы хоть шелуха осталась, а тут нет ничего. Ну и догадались, что просто их все ветром сдуло. Остались русские сами по себе, не знают, куда ногой ступить, как бы во что не вляпаться без политического-то руководства. Народ ведь и без того очень простой* [А. Трушкин. 208 избранных страниц].

В этом случае *как бы* синонимично целевому союзу *чтобы*, если рассматривать конструкцию с *как бы не* в качестве придаточного к *куда ногой ступить*; однако допустимо рассматривать обе подчиненные клаузы как однородные изъяснительные придаточные к *не знают*.

Возможна контаминация в комплексе *как бы* целевого значения со значением гипотетического подобия (в котором частица *как бы* широко распространилась в узусе с конца 1980-х гг.). В следующем примере второе значение поддерживается участием частицы *не* в конструкции противопоставления *не... а*, которая, в свою очередь, составляет целевое обстоятельство при постпозитивном сказуемом *пришли*:

- (10) *А пакет тут же бросили, уже не успев рассудить, что он уликой им после них останется, потому что они вор непривычный-с и прежде никогда ничего явно не крали, ибо родовые дворяне-с, а если теперь украсть и решились, то именно как бы не украсть, а свое собственное*

⁵ В [Ожегов, Шведова 1999: 260] все сочетание *как бы не* квалифицируется как союз (?), в отличие от [Ожегов 1952: 229], где частеречная квалификация отсутствует, а семантизация и пример те же: «...употр. при выражении опасения, боязни чего-н. *Боюсь, как бы не стал он браниться*».

только взять обратно пришли, так как всему городу об этом предварительно повестили и даже похвалялись заранее вслух пред всеми, что пойдут и собственность свою у Федора Павловича отберут [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Однако значение нежелательности для модели (Б) является, безусловно, основным. В выборке из НКРЯ, полученной по запросу {**как PART** + на расстоянии **1** от **бы PART** + на расстоянии от **1** до **3** от **не PART** + на расстоянии **1** от **V, inf**}, оказалось 1 003 вхождения, среди которых примеры типа (3—7) очевидным образом доминируют: так, в первых 100 документах из 114 вхождений целевое значение может быть констатировано в четырех случаях, комбинация целевого значения с изъяснительно-вмещающей функцией придаточного — в двух, 21 вхождение квалифицируется как шум (случайные совпадения), 87 (более 76 %) — реализации модели (Б) с контропативным значением.

Соглашаясь с А. Израэли в том, что необходимо детальное описание каждого типа ИП в отдельности⁶, мы сосредоточим внимание только на контропативных высказываниях.

1.1.3. Еще одно замечание — к дискутируемому в ряде работ вопросу, считать ли сочетание инфинитива с частицей *бы* случаем «безглагольного сослагательного наклонения» (выражение Н. Р. Добрушиной [Dobrushina 2013]). Прежде всего, не представляется корректной следующая констатация: «Морфологический статус сочетаний инфинитива с частицей *бы* в русистике определяется по-разному. Так, в академической грамматике в первом томе сказано, что “синтаксические сочетания с формами повелит. накл. (*приди бы*), инфинитива (*узнать бы*) <...> не являются морфологическими формами сослагат. накл. глагола” <...> а во втором томе инфинитивные предложения рассматриваются среди форм сослагательного наклонения» [Добрушина 2012: 43]. Н. Ю. Шведовой развивалась идея **синтаксических** наклонений как форм предложения — более широких, нежели морфологические формы наклонения. Во втором томе «Русской грамматики» речь идет не о морфологическом статусе рассматриваемых сочетаний, а о синтаксических ирреальных наклонениях [РГ 1980: 102—119, в том числе о синтаксическом сослагательном: 102—104], следовательно, иллюстрацией различной трактовки морфологического статуса сочетаний инфинитива с *бы* эта грамматика служить не может. Других примеров разногласий по названной проблеме автор не приводит, поэтому не представляется достаточно мотивированным и решение (NB: не допущение), излагаемое непосредственно за цитированной констатацией: «В настоящей статье принято решение рассматривать все типы сочетаний с частицей *бы* (*б*) как формы сослагательного наклонения» [Добрушина 2012: 43].

С. С. Сай приходит к более приемлемым, на наш взгляд, выводам: в одних случаях «признавать инфинитив сослагательного наклонения полноценной формой русского глагола» осмысленно, в других же целесообразно «говорить о частичной нейтрализации оппозиции по наклонению в рамках инфинитивной репрезентации» [Сай 2013: 270]. Это решение, как кажется, лучше согласуется и с рассматриваемым Н. Р. Добрушиной противопоставлением «безоценочного контрфактивного инфинитива» (который в самом деле можно воспринимать как «инфинитив сослагательного наклонения») и «оценочного инфинитива» [Добрушина 2012: 46], который связан с выражением иных (вряд ли укладывающихся в семантику сослагательности) модальных значений.

⁶ Правда, преувеличением представляется мотивирующее суждение: изучение инфинитивных конструкций «всех вместе, без четкого разграничения их типов» ведет к тому, что «у нас нет никакой классификации инфинитивных конструкций, мы не располагаем их полным списком, их описаниями» [Israeli 2013: 199—200]; перевод здесь и ниже мой. — М. Д. В Грамматике-54 и «Русской грамматике» содержатся весьма развернутые и детализированные, но при этом и весьма различные описания семантических типов ИП [Тимофеев 1954; РГ 1980: 373—378]; их можно не принимать, но нельзя не учитывать.

Однако и само указанное противопоставление вызывает сомнения. «Безоценочным» Н. Р. Добрушина называет инфинитив с частицей *бы*, выражающий контрфактическое значение в примерах типа (1а, 2) и лишенный «дополнительного модального значения» [Там же]. Но последнее, то есть «отсутствие дополнительного модального значения», неверно, что невольно доказывает сам автор, когда далее пишет, что «контрфактивность сочетается в конструкциях с сослагательным инфинитивом со значением неизбежности ситуации, которая предназначена судьбой, но отменена неким более сильным обстоятельством» [Там же: 49], правда, не упоминая о том, что при наличии отрицания значение неизбежности оборачивается значением невозможности. Неизбежность и невозможность суть именно «дополнительные модальные значения», и наличие таких значений у «сослагательного инфинитива» должно выглядеть логичным: ведь сослагательность — один из базовых типов модальности (если, конечно, не сводить последнюю к желательности и необходимости), и в таком случае утверждение о существовании «безоценочного сослагательного инфинитива» производит впечатление внутреннего противоречия в самой концепции.

Наконец, возможен и следующий взгляд на проблему. Идея синтаксических наклонений как форм предложения представляется плодотворной и не заслуживающей забвения. В частности, синтаксический опатив (в отличие от морфологического, которого нет) — реальность строя русского языка. Например, соотносительность высказываний *Мама сегодня пришла пораньше* и *Вот бы мама сегодня пришла пораньше!* как форм индикатива и опатива одного и того же предложения не вызывает сомнений. С этой точки зрения почти все типы ИП предстают как специализированные формы синтаксического ирреалиса, и в таком случае сама постановка вопроса об отношении инфинитива к морфологическим формамклонения становится избыточной.

Итак, объектом внимания будут только реализации речевых моделей (А) и (Б) с контропативным значением. Нас будут интересовать смысловые оттенки, возникающие в результате варьирования грамматических параметров высказывания и под влиянием контекста, и не будет интересовать морфологический статус инфинитива с *бы*.

1.1.4. За рамками статьи останется требующий особого рассмотрения вопрос о лексических предпочтениях моделей (А) и (Б) и о взаимодействии лексической семантики инфинитива с семантикой моделей.

1.1.5. В работе не будет учитываться признак контролируемости действия, хотя он явно «напрашивается» при анализе примеров типа *Не убить бы мне тебя только*, см. ниже (39). Применимость этого признака ко всему корпусу материала заслуживает отдельного обсуждения.

2. Из истории вопроса

Существенная роль частицы *бы* в организации ИВ была замечена давно. Согласно разысканиям З. К. Тарланова, примеры с *бы* впервые появляются в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча (1827) [Тарланов 2008: 315—316]. Предметом сколько-нибудь специального описания инфинитивные конструкции с *бы* впервые становятся, судя по всему, в статье В. Боголюбова «Дательный с неопределенным в русском языке» (Филологические записки, 1879, вып. VI) [Там же: 333]. В целом, однако, опыты классификации ИВ в XIX в. носили исключительно семантический характер. По-видимому, у А. М. Пешковского впервые появляется намек на выделение предложений с частицей *бы* в особую разновидность, хотя в целом его классификация выглядит так: различаются шесть семантических групп инфинитивных предложений (без частицы *бы*), затем подчеркивается, что в предложении любой из этих групп может появиться *бы*, в результате чего к соответствующему значению (необходимости, желательности и др.) добавляются «еще и все оттенки сослагательного наклонения» [Пешковский 2001: 383—384]. У Н. Н. Дурново обнаруживается замечание,

в котором можно видеть предвестие структурно-семантического подхода в синтаксисе: он указывает на то, что «тому или иному семантическому оттенку» соответствует и определенное «внешнее оформление», подразумевая под последним, в частности, наличие / отсутствие частицы *бы* [Дурново 1929: 77—78]⁷.

Тем не менее только в статье [Тимофеев 1950] впервые в русской грамматической традиции появляется ясное разделение инфинитивных предложений на три класса, из которых по меньшей мере два могут быть с достаточным основанием интерпретированы как структурно-семантические: «собственно-инфинитивные предложения без частицы *бы*» и «собственно-инфинитивные предложения с частицей *бы*». Это два структурных класса, за каждым из которых закреплён свой круг типовых значений.

Интересующая нас разновидность ИВ, включающая не только обязательную частицу *бы*, но и частицу *не*, отмечена К. А. Тимофеевым: «В особый разряд мы можем выделить те инфинитивные предложения с частицей “*бы*”, в которых выражается опасение, предостережение со стороны говорящего лица. Например, *Не опоздать бы нам к поезду*, *Не простудиться бы вам*. Формальным признаком данного разряда является употребление отрицания “*не*”, не придающего предложению отрицательного значения» [Тимофеев 1950: 288]. Отмечает эту разновидность и З. К. Тарланов, давая ей практически ту же семантическую характеристику («опасение, предостережение, боязнь говорящего по поводу совершения или несовершения действия, обозначенного инфинитивом»), но не отмечая обязательности отрицательной частицы, хотя его примеры эту обязательность вполне доказывают: *Охти! Не попасть бы мне в какую беду...* (Попов. Немой); *Не уморить бы мне его первого строфою...* (Крылов. Проказники) и т. п. [Тарланов 2008: 449—450].

В учебной литературе сделанные во второй половине XX в. наблюдения, как правило, не отражаются. Примеры с контропативным значением спорадически приводятся при упоминании об опативных ИП, но не комментируются. Единственное известное нам исключение составляет работа [Кустова 2013: 83], где в перечне семантических разновидностей ИП отдельной строкой даны «нежелательность, опасение» и приведены примеры видов (А) и (Б). В «Русской грамматике» отмечено только значение опасения, приведены примеры вида (Б) [РГ 1980: 107; 375].

Э. Фортейн, в отличие от К. А. Тимофеева и др., не выделяет контропативные высказывания в особую группу и включает их в тип высказываний со значением желательности (с частицей *бы*) [Fortuin 2000: 426].

Н. Р. Добрушина, рассматривая «вопрос о происхождении независимых употреблений инфинитива с *бы* из подчиненных конструкций» [Добрушина 2012: 43] (правда, без учета работ К. А. Тимофеева и З. К. Тарланова, специально занимавшихся генезисом инфинитивного предложения), оперирует материалом, включающим высказывания как с частицей *не*, так и без нее. Отдельно высказывания со значением нежелательности в данной работе не рассматриваются (обсуждение см. также в [Israeli 2014: 141—143]).

Алина Израэли, посвятившая дативно-инфинитивным конструкциям серию статей ([Israeli 2013; 2014]; третья, о конструкциях с частицей *же*, по сообщению автора, скоро должна увидеть свет), в каждом случае приводит исчисление всех возможных конструкций с учетом взаимного расположения инфинитива (с дифференциацией по виду), дативного субъекта и частиц (при их наличии)⁸, а затем показывает, к выражению каких значений может быть привлечена каждая конструкция. Кроме порядка слов и вида инфинитива, автор учитывает персональную и (менее последовательно) темпоральную отнесенность

⁷ Во время своего пребывания в Чехии в середине 1920-х гг. Н. Н. Дурново, как известно, много общался с Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким и отчасти воспринял идеи формировавшегося структурализма. Если учесть, что «Повторительный курс грамматики русского языка» вышел в свет в 1929 г., то вполне вероятным окажется предположение, что в этом замечании сказалось как раз влияние Пражского лингвистического кружка.

⁸ *Ли* (и *не*) в первой статье, *бы* (и *не*) во второй, *же* (и *не*) — в третьей.

высказывания. Эту работу следует признать, по-видимому, наиболее полным современным исследованием моделей ИП; помимо прочего, только в этой работе семантика высказываний типа (А) не ограничивается понятиями опасения и предостережения. Наши наблюдения относительно модели (А) во многом подтверждают результаты А. Израэли, хотя имеются некоторые расхождения, которые ниже будут отмечены. Модель (Б), однако, автором не рассматривается.

3. Несколько замечаний об исходных теоретических посылках

Одним из интенсивно развивающихся направлений лингвистических исследований в последнее время стала «грамматика конструкций». ИП рассматриваемых моделей, как и другие ИП, могут изучаться с ее позиций, поскольку они обладают ярко выраженным свойством ее объекта: их «значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композициональности в том прямом и строгом смысле, в котором его представляли себе логики <...> ведь оно... образуется не соположением, т. е. простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов» [Рахилина, Кузнецова 2010: 22]. Действительно, модальные значения дебитивности, опативности, категорического приказания и др., традиционно служащие основанием для первичной классификации инфинитивных предложений, выражены в них, как писали в середине XX в., только интонационно и конструктивно-синтаксически, то есть не имеют прямых лексических и морфологических опор⁹.

Тем не менее рассмотрение контрпативных разновидностей моделей (А) и (Б) с позиций конструкционного подхода сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, эти модели способны выражать другие значения (что было показано в п. 1.1), то есть строгого соответствия конструкции и семантики не наблюдается. В свою очередь, как и другие модальные значения, контрпативность располагает весьма широким кругом разнообразных средств выражения, что отменяет взаимно-однозначную соотнесенность данного значения и названных моделей.

Во-вторых, по отношению к этим моделям сомнительна выполнимость следующего требования: «...не только рекурсия, но и ожидаемое заполнение переменных представителями того же синтаксического класса на материале конструкций невозможно: и в употреблении конструкции, и при заполнении любой ее переменной нас ждут самые неожиданные (на первый взгляд) ограничения, обусловленные как раз результатом взаимодействия компонентов на всех уровнях — от просодического до лексико-семантического и прагматического» [Рахилина 2010: 14]. Иными словами, на материале конструкций невозможно то, что вполне закономерно на уровне синтаксических моделей.

В-третьих, в отличие от таких типов семантики конструкций, как «контейнер», «уровень», «трудновыполнимое действие», «каузация перемещения» и т. п., контрпативность представляет собой значение не денотативной и не пропозициональной, а модальной природы, из чего, собственно, и вытекает широта поля средств ее выражения.

По названным причинам мы предпочитаем другой подход, опирающийся, во-первых, на идею многоуровневого моделирования в синтаксисе, восходящую к известной работе [Daneš 1964], во-вторых — на теорию функциональной грамматики А. В. Бондарко и его школы, в частности — на понятие **категориальной ситуации**.

⁹ Впрочем, Э. Фортейн исходит из «той точки зрения, что значение Д[ативно-]И[нфинитивной]-конструкции может быть *реконструировано* путем композиции значений ее компонентов», то есть считает принцип композициональности действующим в сфере ИП [Fortuin 2000: 252]. Правда, он уточняет, что под композициональностью конструкции целесообразно понимать не тот случай, когда ее значение «может быть строго *предсказано* ее компонентами» (поскольку «понятие строгой предсказуемости по отношению к языку бессмысленно»), но ситуацию, когда значение конструкции **мотивировано** ее компонентами [Там же] (курсив в цитатах авторский. — М. Д.).

Трехуровневый подход к синтаксису, предложенный в свое время Ф. Данешем, предполагает разграничение:

- 1) уровня абстрактных образцов, лишенных связи с лексикой, — моделей (структурных схем) предложения;
- 2) уровня моделей высказывания, фиксирующих, помимо предикативного минимума, определенные ограничения, в том числе лексические, накладываемые типовой функцией высказывания в типовой речевой (контекстной) ситуации;
- 3) уровня высказывания как конкретного живого факта речи [Ibid.].

Предлагаемый нами подход следует мысли Ф. Данеша, однако отличается наличием не одного, а двух уровней, располагающихся между языковой моделью предложения и конкретным высказыванием: уровня **речевых синтаксических моделей** и уровня **моделей высказывания**. Такое решение продиктовано учетом следующих критериев:

- 1) элементарный (непроизводный)/неэлементарный (производный) характер структуры модели;
- 2) отсутствие/наличие строго закрепленных за данной моделью лексических единиц;
- 3) возможность варьирования модели путем изменения коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов.

Каждый из этих критериев допускает по меньшей мере два значения, и потому теоретически выделяемых уровней может быть больше. Однако анализ материала — во всяком случае, на данном этапе — показывает целесообразность различения трех уровней синтаксического абстрагирования и, соответственно, трех единиц. (Четвертый уровень — конкретного высказывания — в данном случае из рассмотрения исключен, поскольку абстрагирования не предполагает.)

Что же касается категориальных ситуаций (**КС**), то они определяются как «выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры: а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании “общей” сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания» [Бондарко 2011: 39—40]. «Если понятие ФСП (функционально-семантического поля. — *М. Д.*) соотносится с компонентами системы семантических категорий..., то понятие **КС** служит для изучения функциональных разновидностей определенной семантической категории, изучения выражаемых в высказывании вариантов. Категориальная ситуация — это своего рода проекция поля на выск а з ы в а н и е» [Там же: 40]; разрядка оригинала. — *М. Д.*

Контроплативность и есть функциональный вариант оплативности, которая, в свою очередь, представляет собой одно из базовых модальных значений. Ниже будет показано, что контроплативная **КС**, выражаемая рассматриваемыми ИВ, допускает дальнейшую субкатегоризацию¹⁰, связанную с варьированием определенных компонентов высказывания.

4. Общая характеристика контроплативной речевой модели

Модели *Inf бы* (с оплативным значением) и *He Inf бы* (с противоположным значением) — производные первого порядка от базовой языковой модели *Inf*¹¹, то есть речевые синтаксические модели.

Признаки речевой модели заключаются в случае (А) в наличии двух обязательных лексических (точнее, лексико-грамматических) элементов (частиц *не* и *бы*), варьирование

¹⁰ Сходный взгляд, но без опоры на понятие категориальной ситуации, исповедует Э. Фортейн: «различные использования конструкции могут рассматриваться как *интерпретации* более отвлеченного общего значения» [Fortuin 2000: 243] (курсив автора. — *М. Д.*).

¹¹ Используется нотация Н. Ю. Шведовой, отражающая только предикативный минимум. В нотации В. А. Белошапковой (так называемый номинативный минимум) инфинитивная модель дополняется компонентом *N*₃, поскольку в любом ИП открыта позиция дативного субъекта.

или элиминация которых без потери смыслового своеобразия невозможны, а также в закреплённости модели за определенной группой коммуникативных ситуаций: построенное по ней высказывание может появиться только как непервая реплика диалога или как непервый компонент монолога (в особенности несобственно-авторской речи, или свободного косвенного дискурса, по Е. В. Падучевой [1996: 214]). Коммуникативная и смысловая зависимость от левого контекста объясняется тем, что в высказываниях, отвечающих данной модели, речь идет об известной ситуации, которая составляет предмет мысли говорящего; опасение, предостережение и т. п. высказываются как результат прогнозирования такого развития ситуации, которое представляется говорящему нежелательным, или оценки уже имевшей место ситуации как нежелательной, причем ситуация может оцениваться как с точки зрения интересов говорящего, так и с точки зрения интересов собеседника или третьего лица.

Известность обсуждаемой ситуации можно обозначить короче: она входит в пресуппозицию обоих коммуникантов. В этом отношении выразителен следующий пример, в котором высказывание, построенное по модели (А), терпит коммуникативную неудачу из-за конфликта пресуппозиций: Лиза ошибочно полагает, будто свадьба с Софией является для Молчалина таким же предметом тайных дум, как и для Софии (то есть исходит из тождества пресуппозиций — своей и собеседника). Недоумение адресата обнаруживает отсутствие такого тождества (шрифтом выделено ИВ):

(11)

Л и з а.

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

М о л ч а л и н.

Какая свадьба? с кем?

(А. С. Грибоедов. Горе от ума, д. IV, явл. 12)

Модель (Б) *Как бы не Inf* — производная второго порядка: она является результатом контаминации (А) и еще одной речевой модели — (В): *Как бы не [ПредикГр]¹²* — также имеющей значение нежелательности; ср. другие примеры реализации (В): *Наконец загнули-таки их в колхозы, и теперь — все насмарку. Как бы не пришлось загонять снова* [В. Быков. Болото]; *Мне говорили, что у него другая где-то есть. И как бы не ребенок* [А. Солженицын. В круге первом]; *Больше всего боюсь высказаться во сне. Как бы не услышали ребята* [В. Аксенов. Звездный билет].

Таким образом, фрагмент синтаксической системы русского языка, включающий рассматриваемые модели, имеет вид: 1

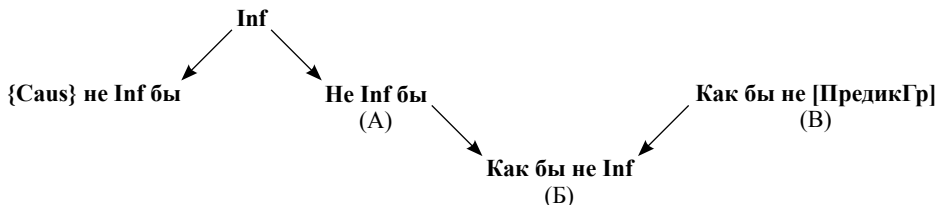

Схема. Фрагмент синтаксической системы русского языка, включающий инфинитивные модели со значением нежелательности

Актуальное членение моделей (А) и (Б) обладает тем постоянным признаком, что состав инфинитивного главного члена всегда оказывается в реме; темой является дативный субъект,

¹² Предикативная группа.

который регулярно выражается нулем, если совпадает с говорящим¹³. Примером ненулевой темы может служить (11); этот пример демонстрирует также возможность контрастной темы.

Рематический акцент может падать либо на инфинитив, либо на его непосредственный распространитель. Инфинитив оказывается акцентоносителем, если это глагол, не требующий обязательного распространения (12—13), или если распространитель (например, прямой объект) известен (очевиден) из контекста/ситуации — в этом случае он может быть и опущен (14—15). Напротив, под рематическим ударением оказывается распространитель (или рематический акцент равномерно распределен по группе «инфинитив + распространитель»), если он не очевиден из контекста/ситуации (16) или если глагол без него семантически неполноценен (17—18), ср.:

- (12) — *Совет да любовь вам, конечно. **Только не надорваться бы тебе, а?*** Ну-ну, не обижайся [А. Берсенева. Возраст третьей любви];
- (13) *Сказать Рюрю о поездке в «несоциалистическую страну антиподов»? **Как бы не сглазить*** [В. Аксенов. Таинственная страсть];
- (14) *Разве одного: **не обидеть бы ненароком, не осудить бы с кондачка**, ведь у них уж нет земных дней, чтобы поступить иначе* [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны];
- (15) *Мусор мы убрали, но Лари периодически бегал проверять — вдруг окурки опять появились? **Как бы не пропустить!*** [Н. Королева. Другая собака];
- (16) *Говорила такое, что я все думал — **не разбудить бы хозяина*** [С. Довлатов. Заповедник];
- (17) *И хватает из кучки шлакоблок (но с осторожной хватает — **не продрать бы рукавицу**, шлакоблоки дерут больно)* [А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича];
- (18) *Надо лететь! **Как бы не накликать беду!*** <...> бес поднялся в воздух и стал кружить, выматривая новое место [М. Гиглашвили. Чертовое колесо].

Детальное рассмотрение вариантов актуального членения и интонационного оформления опускаем.

Наконец, порядок слов в моделях (А) и (Б) разрешает расположение дативного субъекта перед группой **не Inf** или после нее (*Не надорваться бы тебе; Как бы мне не отвечать за промедление*), но запрещает позицию между частицей *не* и инфинитивом, так как в этом случае под рематическим акцентом оказывается именно субъектный детерминант и возникает другая конструкция с другим значением (*Не тебе надорваться бы; Как бы не мне отвечать за промедление*). О порядке компонентов см. также [Князев 2014; Israeli 2014].

5. Параметры, влияющие на семантику моделей (А) и (Б) при варьировании

К этим параметрам относятся, в первую очередь, вид инфинитива (5.1), темпоральный вектор (5.2) и персональная отнесенность ИВ (5.3). Рассмотрим каждый из них.

5.1. Вид инфинитива

Модель (А) с глаголом совершенного вида (СВ) — это как раз та разновидность ИВ, которая привлекла внимание К. А. Тимофеева и была описана им в качестве особого разряда собственно-инфинитивных предложений с частицей *бы*. Все примеры этого разряда как у Тимофеева, так и у Тарланова содержат инфинитив СВ. Этот факт легко объясняется

¹³ Э. Фортейн замечает, что в директивных инфинитивно-дативных конструкциях с частицей *бы* выражение дативного субъекта обязательно (в отличие от таких же конструкций без *бы*): отсутствие выраженного субъекта в таком высказывании ведет к его перволичной трактовке [Fortuin 2000: 427]. На этот факт обращают внимание и другие исследователи, см. [Добрушина 2012: 47; Князев 2014: 141; Israeli 2014: 142].

статистически: СВ в данном разряде абсолютно доминирует. Национальный корпус русского языка в ответ на запрос {не PART на расстоянии 1 от V, inf на расстоянии 1 от бы PART} выдает 988 вхождений, из которых только 51 — с глаголом НСВ (чуть более 5 %) ¹⁴. Семантическая характеристика перфективных разновидностей моделей (А) и (Б) совпадает: это значения опасения, предостережения, см. примеры (12—18).

Имперфективные разновидности (А) и (Б), между тем, обнаруживают расхождение: высказывания группы (А) существенно отличаются от (А) перфективной разновидности, то есть мена вида влечет существенные изменения в модальных оттенках; высказывания же группы (Б) синонимичны (Б) перфективной разновидности. Ср.:

- (19) — *Не ходить бы вам туда, товарищ, вон как там сыплют!* [М. Горький. Несвоевременные мысли];
- (20) *...Жутко, поди, в осенние-то ночи? Не дай бог что, и до телеграфа не доскачешь, чтоб войско на подмогу прислали. И ты придворным-то своим не верь... они первые тебя и прирежут... это я тебе не как теорик (sic. — М. Д.), а как живой практик крестьянского дела открываю... Не ссориться бы тебе, Богдатыевна, с нами, мужиками серыми...* [Л. Леонов. Русский лес];
- (21) *...Ты, я вижу, не веришь. Представь, дарю! Накатила щедрость... Не говорить бы ему этих слов, о щедрости. Федор Иванович сразу почуял маскировку* [В. Дудинцев. Белые одежды];
- (22) *С Страховым разговор. Он хочет находить во всем хорошее. Это прекрасно. Но как бы не находить хорошим то, что мы призваны уничтожить* [Л. Н. Толстой. Записные книжки];
- (23) *Завтра идем на Руцук; если что будет со мною, на Вас, Константин Петрович, надеюсь: поддержите моих. <...> Как бы нам здесь не зимовать?* [С. Шереметев. Письма К. П. Победоносцеву];
- (24) — *Нет, и генерала нет. Кавалергардский офицер, сев верхом, поехал к другому. — Нет, уехали. «Как бы мне не отвечать за промедление! Вот досада!» — думал офицер* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. IV].

Очевидно, что семантика высказываний (19—21) должна описываться не через понятие опасения. Оперировать понятием предостережения возможно, но и предостережение в данном случае имеет иной характер: если в (12, 14, 16, 17) инфинитив прямо называет нежелательную ситуацию, от которой адресата хотят предостеречь, то здесь эта нежелательная ситуация прямой номинации в рамках ИВ не получает. В (19) адресата, как видно из контекста, предостерегают не собственно от хождения «туда», а от случайной пули; в (20) — не от ссор с «серыми мужиками», а от их последствий: «серые мужики», как и «придворные», могут и убить. Однако семантика (21) не вписывается и в этот круг, хотя назвать (21) аномальным случаем нельзя (см. ниже).

В случаях же (22—24) наблюдаем конкуренцию видов: инфинитивы НСВ здесь могут быть без ущерба для смысла заменены соответствующими СВ. Как и в примерах (13, 15, 18), инфинитив здесь называет собственно нежелательную ситуацию.

5.2. Темпоральный вектор высказывания

Как хорошо известно, ИВ не выражают темпоральной отнесенности обозначаемой ситуации (за исключением предложений невозможности, содержащих связку: *Мне было / ∅ / будет не справиться с этим в одиночку*). Но это не означает, что сигнификативная ситуация ИВ вообще лишена соотнесенности с каким-либо временным планом; об этом выразительно писала Н. Ю. Шведова [РГ 1980: 109]. Эта соотнесенность выявляется в ближайшем контексте вполне отчетливо: ясно, например, что в (21) обозначаемая ситуация отнесена к плану прошедшего (она предшествует моменту речи), а в (24) — будущего. Однако это лишь поверхностный слой темпоральной характеристики инфинитивного высказывания.

¹⁴ [НКРЯ], даты обращения: 30.11.2013, 25.01.2015.

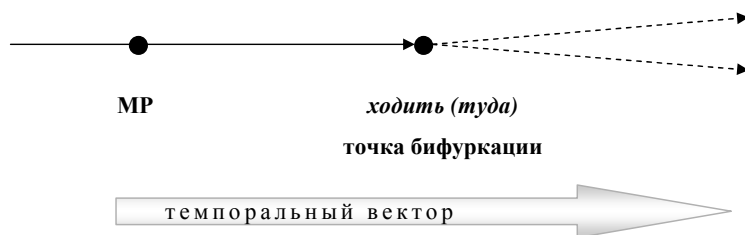
Необходима еще одна оговорка. Момент речи (**МР**) — понятие, релевантное для речи в диалогическом режиме (пользуемся удобной для наших целей простой оппозицией Е. В. Падучевой «диалогический режим» vs. «нарративный режим»). Для нарративного режима релевантным аналогом МР (если понимать его буквально) является момент повествования (**МП**).

Как в оппозитивных, так и в рассматриваемых контрпозитивных ИВ имеет место своеобразное моделирование говорящим параллельной действительности, грамматически опирающееся на сослагательную частицу¹⁵. При этом в сознании говорящего всегда актуализирован тот момент реального времени (или времени повествования), когда возникает возможность двух путей развития; из этих двух путей всегда выбирается, как известно, только один, второй же и составляет гипотетическую параллельную, «вторую», реальность. Будем называть этот момент раздвоения пути точкой бифуркации¹⁶.

Темпоральным вектором будем называть характеристику ИВ, заданную расположением на временной оси 1) точки бифуркации, 2) события / действия, названного инфинитивом, и 3) точки, соответствующей МР / МП. Возможны следующие значения этого параметра.

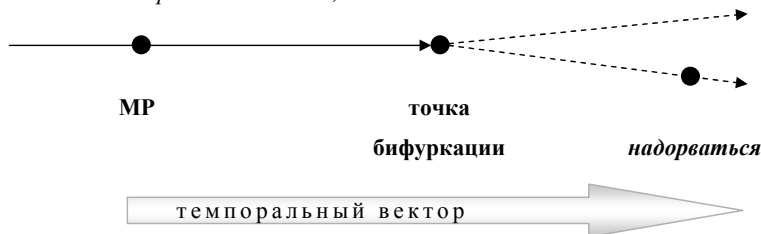
5.2.1. Проспективный темпоральный вектор (НСВ, точка бифуркации следует после МР и совпадает с моментом начала действия, обозначенного инфинитивом). Наблюдается в ИВ группы (А) и (редко) группы (Б):

Не ходить бы вам туда, товарищ...; ...как бы не находить хорошим то...

5.2.2. Проспективно-консеквентный темпоральный вектор (СВ в ИВ групп (А) и (Б), НСВ в ИВ группы (Б), точка бифуркации следует после МР, инфинитив называет действие / событие как возможное следствие из события, осмысляемого как точка бифуркации):

Только не надорваться бы тебе, а?

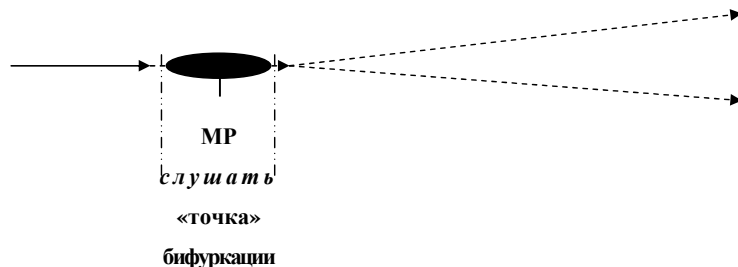
¹⁵ Это положение разделяется всеми авторами упомянутых выше работ, посвященных ИВ с частицей *бы*.

¹⁶ Точка бифуркации (лат. *bifurcus* 'раздвоенный') — момент смены установившегося режима работы системы (в неравновесной термодинамике и синергетике); ср. бифуркация рек (разделение русла реки и ее долины на две ветви), бифуркация как разделение трубчатого органа (сосуда или бронха) на две ветви одинакового калибра, отходящие в стороны под равными углами (в биологии) и др.

В (12) говорящий имеет в виду, что в жизни адресата его слов в некотором будущем могут начать — или не начать — происходить такие изменения, результат которых обозначен инфинитивом *надорваться*. В качестве точки бифуркации мыслится ожидаемое в скором будущем событие — свадьба. Ср. также (13—18, 23—24).

5.2.3. Нулевой темпоральный вектор (только группа (А), НСВ, «точка» бифуркации включает МР):

...а тебе, кутенок, не слушать бы этого!

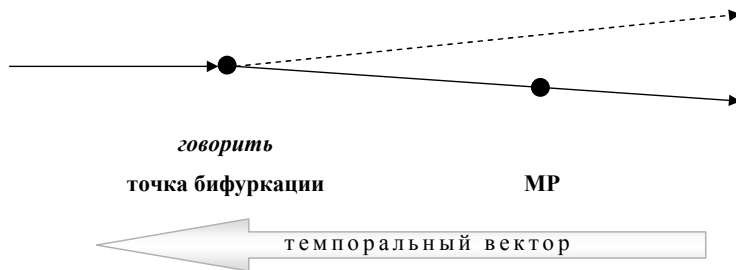
Примеры:

- (25) Он снова навалился на плечо гостя, шурясь, выжимая слезы, отыскивая глаза его мутным, полуслепым взглядом; дряблые губы дрожали, маленький язык шевелился по-змеиному быстро, и старик шептал: — Взвоешь ведь, коли посмеялся господь бог над нами, а — посмеялся он? А дьявол двигает нас туда-сюда, в шашки с кем-то играя, живыми-то человеками, а? — **Не говорить бы так тебе на старости лет...** — Я же шучу, чудак! А тебе — спасибо, что учишь! — быстро подхватил Хряпов, кивая лысой, точно оципанной головою [М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина];
- (26) Мне легко было сказать так, я слишком часто слышал эту поговорку и чувствовал ее правду. Но Осип рассердился на меня и закричал: — Это — кто говорит? Дураки да лентяи, **а тебе, кутенок, — не слушать бы этого!** [М. Горький. В людях].

В (25—26) действие, названное инфинитивом, мыслится как начавшееся до МР и, хотя не продолжающееся непосредственно в МР, имеющее тенденцию к продолжению в будущем (это сопоставимо с планом расширенного настоящего форм наст. вр.). Именно это действие мыслится как точка бифуркации: если Хряпов продолжит говорить «так», если Алеша продолжит слушать «дураков да лентяев», каждого могут ожидать плачевные последствия. Точка бифуркации, следовательно, мыслится как включающая МР: ее начало предшествует ему, ее окончание следует за ним. (В этом случае говорить о *точке* в сколько-нибудь строгом смысле не вполне корректно, однако сошлемся на широкие границы относительности в использовании слов, обозначающих временные интервалы с элементом образности, вне физических единиц измерения времени. Человек волен по своему усмотрению изменять масштаб размышлений о времени, воспринимая то миг как вечность, то столетие как мгновение. В приведенных примерах говорящие поднимают разговор до экзистенциального уровня, указывая на значение слов и поступков в масштабе целой жизни собеседника: в этом масштабе обозначаемые инфинитивами действия во всей своей протяженности могут рассматриваться как *точки* бифуркации.)

5.2.4. Ретроспективный темпоральный вектор (только группа (А), НСВ, точка бифуркации предшествует МР):

...Не говорить бы ему этих слов, о щедрости.

Ср. также:

- (27) *Неужто никакой чистоты в жизни нет? Вот задавил я этого... зачем мне? Только испачкался, душу себе надорвал... Деньги взял... **не брать бы!** — Не горюй! — утешала его Олимпиада [М. Горький. Трое];*
- (28) *Валерий был готов для броска. Но так тронут ее преданностью, что ее же и утешал. **И не заводит бы тут Снежка разговора о географичке**, но не сдержалась, начала попрекать. И они поссорились [Н. Горланова. Решение Валерия].*

5.2.5. Наконец, возможен ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор: событие / действие (состояние), названное инфинитивом, предшествует моменту речи (повествования) и является следствием из события, которое мыслится как точка бифуркации и расположено на временной оси еще раньше. Однако при этом соотношении закономерно возникает семантика контрфактичности: см. выше примеры (1а) и (2); далее этот случай мы рассматривать не будем.

Таким образом, для высказываний модели *Как бы не Inf* открыты только проспективный и проспективно-консеквентный темпоральные вектора. Объяснение, возможно, в том, что эта модель сохраняет генетическую связь с вопросительной (и производной от нее изъяснительной) моделью со значением поиска способа достичь цели / избежать нежелательного развития ситуации, а это значение естественным образом связано с футуральной перспективой:

- (29) *Как бы мне, рябине, / к дубу перебраться? [И. Суриков. Рябина (песенный вариант текста)];*
- (30) *Как бы нам не заболеть? (Заголовок // Городские известия (Курск), 06.02.2014 / <http://gikursk.ru/pareg/3499/2758/>);*
- (31) *Перед тем, кто попадает в крупный, незнакомый город, возникает довольно серьезная проблема: **как бы не заблудиться** [А. Фатющенко. Золотой поцелуй, или главное чудо Мьянмы // «Вокруг света» (2004)];*
- (32) *...и тут дверь открылась. Любой нормальный человек на моем месте задумался бы, почему это произошло, но я была слишком занята мыслями о том, что увижу внутри: например, стерли ли рисунок с пола, и если нет, то **как бы мне не смотреть в ту сторону** [В. Белоусова. По субботам не стреляю].*

5.3. Персональная отнесенность высказывания

В ИП, как известно, всегда открыта позиция субъекта в дательном падеже. В значительной части случаев субъект совпадает с говорящим (**1-е лицо**); если же учесть, что при неназванном субъекте персональная отнесенность ИВ автоматически прочитывается в перволичном ключе¹⁷, то можно утверждать, что 1-е л. для этих ИВ наиболее характерно.

¹⁷ Иные чтения требуют значительной контекстуальной поддержки, ср.: *Пока запрягал, пока учительша Митьку кутала, смотрю — сереть стало. Только я тронул, а дядька навстречу идет,*

5.3.1. Высказывания с 1-м лицом субъекта. При ретроспективном темпоральном векторе и первом лице субъекта ИВ модели (А) выражают **сожаление** (значение «regret» отмечено в [Israeli 2014: 152—153]):

- (33) *Не любить бы нам так нежно, Безрассудно, безнадежно!* [Р. Бёрнс. Расставание. Пер. С. Маршака];
- (34) *Восстание подавили. И когда Пресня еще дымилась кровью, бежав из Москвы и Петербурга, ЦК партии эс-эров открыл съезд у водопада Иматра, в гостинице «Туристен». На заседаниях съезда Азеф сидел мрачный. — Эх, Иван Николаевич, не отдавать бы [нам] Москвы семеновцам! — Что ж поделаешь, — разводил он плавниками-ладонями, — так сложились обстоятельства* [Р. Гуль. Азеф].

При нулевом (35) и проспективном (36) темпоральных векторах значение контропативного ИВ с формой НСВ ближе всего оптативному инварианту; оно может быть названо **квазиоптативным** (отмечено как «wish» в [Israeli 2014: 150—151]):

- (35) *Не забалтывать бы мне всего этого в беглой и сомнительной прозе, — написать бы трагедию «Аякс», в современных стихах, скажем, разноstopным трехсложником, с рифмами и «краной строфой»* [А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...»];
- (36) *Сдрейфил! И что же нашел? Снежную могилу... Только бы Лидинька не расстроилась... А вдруг она еще любит его в глубине души?.. Не говорить бы [мне]... Нет. Подло. Скажу. И как не сказать?* [В. Кетлинская. Мужество].

Однако в комбинации с СВ проспективный темпоральный вектор влечет другое значение — **опасения** (отмечается всеми исследователями рассматриваемой модели):

- (37) *В самую патетическую минуту блондинка может зевнуть и сказать: «Не забыть бы послать завтра за коленкором!»* [А. Чехов. Руководство для желающих жениться].

То же значение имеем в модели (Б) при комбинации 1-го л., НСВ и проспективного темпорального вектора, ср. (22) и следующий пример:

- (38) *Подруга, увидев Тот Самый Список запрещенных доменов в зоне РФ: «Теперь как бы к мамам не прибавлять машинально рф, типа бл...рф»* [коллективный. Без мата нет.РФ // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010].

Границы иронического переосмысления семантики опасения (ср. последний пример) весьма широки — вплоть до **угрозы**:

- (39) — *Не вор же ты и не злодей, на чужое посягающий. Участь такая у меня — твоей быть. Планида... Не убить бы мне тебя только... — Как это? — Теплый ты пока еще...* [Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова].

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе и 1-м л. субъекта модель (А) используется только с глаголами СВ, модель (Б) — с глаголами обоих видов (см. выше о нейтрализации видового противопоставления в этом случае) в значении **опасения** (40, 41), которое в случае 1-го л. мн. ч. с возможностью трактовки *мы* как раздельного множества ‘я + вы’ (42, 43) приобретает оттенок **предостережения**:

- (40) *Вот я опять к ним: дай, думаю, зайду — хоть у хозяев про нее спрошу. Зашел. Говорит хозяин домовый: «Плохо, говорит, как бы не померла. Боюсь, в ответ не попасть бы, — потому собственно, что попа звать не станут»* [В. Короленко. Чудная];
- (41) *Лодка неслась, как стрела, остров заметно отделялся от противоположного берега. — Не поспеть, — сказал старший, повернув озабоченное лицо в сторону все мутневшей дали...*

полушубок в опашку. — Не ехать бы, — говорит, — на ночь-то! Остались бы до утра [Б. Житков. Метель]. См. также прим. (14).

— *Не сдавай книзу, смотри! Как бы не миновать острова...* [В. Короленко. «Государевы ямщики»];

- (42) *Сегодня только самый ленивый не вспоминает — к месту или не к месту — о грехе Горького <...> В запале оправданного ниспровергательства не убить бы чуткий интерес к сложным писательским судьбам, к мучительной подчас противоречивости творчества* [В. Кардин. К вопросу о белых перчатках // «Огонек». № 3, 1991];
- (43) *[Сергей] Митр[офанович] говорил — как бы нам не жалеть потом о Сталине* [В. Вернадский. Дневники: 1926—1934 гг.].

5.3.2. Высказывания со 2-м лицом субъекта. При отнесенности ко 2-му лицу смысловой спектр контропативного ИВ, сохраняя преамбуленность с перволичными конструкциями, частично меняется. Употребление моделей (А) и (Б) с отнесенностью не к 1-му лицу субъекта часто сопряжено со своеобразной скрытой транспозицией 1-го л. Субъектом оценки действия как нежелательного является говорящий, но важно, для кого, по его мнению, оно нежелательно: для него — как, например, в (44) — или для адресата (дативного субъекта), как в (45). Во втором случае имеет место скрытая транспозиция 1-го л. во 2-е, и возникает сложная игра оценок¹⁸: говорящий оценивает действие как нежелательное, с точки зрения интересов адресата, но последний может придерживаться иного взгляда на ситуацию, о чем говорящему известно. Эта игра служит основой для дальнейшего семантического варьирования категориальной ситуации контропативности, причем, как и в случаях выраженной транспозиции (см. [Булыгина, Шмелев 1997: 331 и сл.; Кустова 2011; Резникова 2011]), возникающие при этом значения имеют прагматический характер.

При ретроспективном темпоральном векторе контропативное значение выступает в варианте **сожаления** о реальности в прошлом действия адресата с оттенком **упрека**:

- (44) *А будь я с рождения деревенским парнишкой, а теперь крестьянином, то, конечно, был бы славным мужиком, ретивым и счастливым, довольным. И, наверное, ни разу бы не пришлось барину, изувечу Алексею Андреевичу, наказать меня батогами под барабанный бой. И Шумский вдруг воскликнул громко: — **Ах, матушка, матушка, не отдавать бы тебе меня лиходеям!** Будь я крестьянин, я был бы теперь, конечно, во сто крат счастливее* [Е. Салиас. Аракчеевский подкидыш].

При транспозиции лица актуализируется наличие психологической дистанции между говорящим и слушающим. В (45) дистанция граничит с антагонизмом, и оттенок сожаления при **упреке** сменяется оттенком **поучения**:

- (45) — *Что, брат, видно, спесь-то поспала? Как пришла нужда до Вышата, так небось заговорил другим голосом!.. А помнишь, в Усладов день не хотел и словечка со мною перемолвить? То-то же, любезный, **не глумиться бы тебе над тем, кто тебя старше!*** [М. Загоскин. Аскольдова могила].

Упрек-поучение может быть адресован и самому себе в случае автокоммуникации. В (46) включение модели (А) в конструкцию *не... а* не меняет ее природы:

- (46) *Когда же прокаженный совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял, что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех <...> — О, Данила! Данила! — сказал он себе, — **не драь бы тебе взоры высоко, а давно глядеть бы по земле, да искать, кому ты мог быть полезен. А теперь вот и издыхай как старый пес: ты уже никому ни на что не годишься*** [Н. Лесков. Легенда о совестном Даниле].

При нулевом темпоральном векторе контропативное значение выступает в варианте **предостережения** (25, 26) или — в случае небольшой психологической дистанции между собеседниками — **совета** (это значение отмечено в [Israeli 2014: 152]):

¹⁸ Ценные наблюдения над вариативностью субъекта оценки в инфинитивных конструкциях с частицей *бы*, но интерпретируемые в ином ключе, содержатся в [Князев 2014].

- (47) — *Я тебе скажу, — <...> говорит старуха, — был у моего человека между многих недругов один друг, Андрием звали, и когда не стало нам силы жить там <...> то пришел до нас Андрий и говорит: «**Не опускать бы тебе, Яков, рук**, земля — велика и везде дана человеку <...>»* [М. Горький. Покойник].

При проспективном темпоральном векторе значение модели (А) различно в зависимости от вида глагола. В случае НСВ это **совет** или **просьба** (значение совета отмечено в [Israeli 2014: 152] с тем же примером):

- (48) *Уведи по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял? — Понял, — сказал Уно. — **Не уходить бы вам сегодня...** — Ты слушай. Если я через три дня не вернусь, бери Киру и вези ее в сайву, в Икающий лес* [А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом].

Фраза Уно может быть понята и как совет, и как просьба — в зависимости от того, чьи интересы говорящий ставит во главу угла: свои или Антона. В интересах последнего не потерять Киру и не погибнуть самому (тогда — совет); в интересах мальчика — не остаться без защитника (просьба).

В случае СВ в модели (А) и в случае СВ и НСВ в модели (Б) контропативное значение выступает в варианте **предостережения**:

- (49) — *Руки к солнцу (во сне. — М. Д.) протягивал? — серьезно спросила Лиза. — Протягивал. — Гордыня это. Поберегись, Костя, не простой сон, **не обжечься бы тебе!*** [Л. Карелин. Головокружение];
- (50) *Пришел ты в клуб — проходи бочком, **не задеть бы вот этих двух вырождков**, которые по секрету об тебе между собой суждение имеют* [М. Салтыков-Щедрин. Культурные люди];
- (51) *Только и слышишь: благонадежность да неблагонадежность! — Нельзя, папаша! Время нынче не такое, чтоб другие разговоры вести! — То-то, что с **этими разговорами как бы вам совсем не оглупеть*** [М. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке];
- (52) *Не ищите, на кого бы свалить собственные проблемы, это бесполезно. Смотрите, **как бы не тащить чужой воз!*** [Астрологический прогноз // «100% здоровья», 14.02.2003].

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе в модели (А) используется СВ, в (Б) — оба вида с нейтрализацией видовой оппозиции, значение **предостережения** в случае антагонизма между собеседниками перерастает в **угрозу**:

- (53) — *А тебе, Иван Заходько, в домовину пора, дак ты уж хоть напоследок не страмись перед людьми! — презрительно сказал Ефим. — Ох ты проклятая галота! Ну гляди, Ефим, **не плакать бы тебе колысь!** — Ты б, старый черт, не заплакал, а моих слез тебе не видать!* [В. Осеева. Динка прощается с детством];
- (54) *Чуть не задохся со злости Карп Алексеич. «Рано ли, поздно ли, попадешься ты мне! — думал он. — Погоди, гусь лапчатый, **не отморозить бы тебе красны ноженьки!** Быть тебе, сорванцу, под красной шапкой <...>»* [П. Мельников-Печерский. В лесах];
- (55) *Все, как рассказывали, камеры не изменились <...> Глазок то и дело шуришит, значит, не дежурный один улупись, а многие меняются. Смотрите, смотрите, взяли. **Да как бы вам не поперхнуться*** [А. Солженицын. Бодался теленок с дубом];
- (56) — *Та-ак-с... — протянул Чебаков и опять переглянулся с Овсянниковым. — Только не рано ли вы радуетесь, Петр Елисевич?.. **Как бы не пожалеть потом...*** [Д. Мамин-Сибиряк. Три конца];
- (57) — *Дорогу дали, а, может, и не ваша дорога-то. Ведь если бы настоящая дорога была, то вряд ли с тоской пришлось бы возиться. Может быть, настоящего и не будет. Ну, а если будет, то **как бы вам не каяться**. Зверь-то сквозь все ваши поры пророс. Пожалуй, уж больше вам с ним и не совладать...* [Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семенович Барынькин].

Следует отметить редкий случай использования НСВ и в модели (А) при тех же прочих параметрах:

- (58) *«Я, — говорит, — прежде все опишу, и если он простит — получу ответ, тогда и поеду».*
«Ну, делай, мол, как знаешь <...> Гляди, — говорю, — бабочка, не кусать бы тебе локтя!»
Так-таки оно все на мое вышло [Н. Лесков. Воительница].

5.3.3. Высказывания с 3-м лицом субъекта также обнаруживают регулярную скрытую транспозицию лица — субъекта оценки. Наиболее очевидна транспозиция лица при минимальной дистанции; в этом случае, как и в первоначальных реализациях, частотен эллипсис дативного субъекта, ср. (15, 60, 62). Не случайно модели (А) и (Б) с 3-м л. субъекта, как правило, встречаются в несобственно-авторской речи (по Л. А. Соколовой) / свободном косвенном дискурсе (по Е. В. Падучевой).

При ретроспективном темпоральном векторе значение модели (А) — **сожаление**, если повествователь искренне отождествляет себя с персонажем, как в (28, 59):

- (59) *А в нашу сторону <...> Федот Евграфыч особо не глядел. В той стороне опасностей никаких не было <...> И не глядеть бы ему в ту сторону, отвернуться бы от соблазна, но помощь оттуда что-то не шла и не шла, и поэтому он все-таки туда поглядывал. Чернело там что-то* [Б. Васильев. А зори здесь тихие].

Однако при фальшивом отождествлении, когда повествование ведется на самом деле с точки зрения интересов другого персонажа, сожаление окрашивается **иронией**, см. (21).

При нулевом темпоральном векторе и совпадении позиций персонажа и повествователя закономерно возникает **квазиоптативное** значение, как и в случае 1-го л.:

- (60) *Нет, страшно жить в этом суровом, надменном городе, с великолепным его ампиром. В этом городе есть что-то безумное, жестокое и холодное. А так хочется мира и покоя! И не думать бы вовсе об этих призраках прошлого... Надо побольше впечатлений <...> Александр исколесил всю Россию* [Г. Чулков. Императоры: Психологические портреты].

В адресованной речи модель приобретает значение **косвенной просьбы**:

- (61) — *Эй, вы, там! — рывкнул лысый, взмахнув правой рукой. — Помолчите, когда о деле говорят. И гармонье не зудеть бы* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина].

Проспективный темпоральный вектор, как и в первоначальных реализациях, в сочетании с НСВ в модели (А) формирует **квазиоптативное** значение:

- (62) *Должно быть, недалеко была уж девушка та: все Федору Волкову снилась. Да во сне известно, ничего не находит: только руками она обовьет, как тогда, и не отрываться бы потуда, куда не умрешь <...>* [Е. Замятин. Африка].

Использование же СВ в моделях (А) и (Б) влечет значение **опасения**:

- (63) *И с того времени (черт. — М. Д.) в одиночество свое уже не возвращался, а остался при ослабевшем старце в качестве прислужника <...> Когда же, перевозимая слабость, сидел поп за продолжение своего труда, черт вытягивал свою длинную, жилистую шею и через плечо с жадным любопытством заглядывал: ох, не промахнуться бы попу! Ох, не подвести бы ему несчастного черта: ведь последняя надежда* [Л. Андреев. Правила добра];
- (64) *Солженицын боится мягкой редакторской перины; как бы не расслабиться, не утонуть в мягкости, не задохнуться* [А. Архангельский. 1962. Письмо к Тимофею].

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе обе модели также выражают **опасение**, искренний или иронический характер которого зависит от совпадения / несовпадения позиций субъекта речи и дативного субъекта:

- (65) *КВН игра уже не одного поколения, и теперь не превратиться бы ему в «шоубиз»!* [Комментарии к КВН (2009—2011)];

- (66) *А что происходит с псевдонимами? <...> чем благозвучнее, чем внушительнее выберет его человек, тем хуже складывается его судьба <...> есть один поэт, который решил заменить свою невыразительную фамилию псевдонимом и зарегистрировался как Самородков. Увы, ничего из-под его пера до сих пор не родилось, а он <...> пятидесятилетие отметил уже, так что не опоздать бы ему вернуться к изначальному своему прозвищу* [Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова];
- (67) *Не исключено, что через какое-то время кому-либо из тех, кто поддержал упомянутый запрет на проведение референдумов, понадобится самим инициировать референдум <...> И как бы им не оказаться перед непреодолимым барьером* [Д. Докучаев. Делить проще, чем делиться // «Московские новости» (2003)].

Подытожим сделанные наблюдения в таблице.

Таблица

Варианты категориальной ситуации контрпативности
в моделях высказываний (А) и (Б)

Темпоральный вектор	Персональная отнесенность					
	1 л.		2 л.		3 л.	
ретроспективный	НСВ	сожаление	НСВ	упрек-сожаление / упрек-поучение	НСВ	сожаление / ироническое с.
нулевой	НСВ	квазиоптатив	НСВ	совет / предостережение	НСВ	квазиоптатив / косв. просьба
проспективный	НСВ	квазиоптатив	НСВ	совет / просьба	НСВ	квазиоптатив
	СВ	опасение	СВ	предостережение	СВ	опасение
проспективно-консеквентный	НСВ(Б)	опасение / предостережение	НСВ(Б)	предостережение / угроза	НСВ(Б)	опасение / ироническое о.
	СВ		СВ		СВ	

6. Выводы

6.1. В полном соответствии с тезисом Алины Израэли (см. [Israeli 2014: 156]) можно утверждать, что значения ИВ, построенных по моделям (А) или (Б), определяются комбинациями значений параметров. Вершинное положение среди этих параметров занимают темпоральный вектор, вид инфинитива и персональная отнесенность (грамматическое лицо дативного субъекта).

6.2. В реализациях моделей (А) и (Б) с не первым лицом дативного субъекта существенное влияние на результирующее значение оказывает скрытая транспозиция лица, которая актуализирует психологическую дистанцию между субъектом речи и субъектом действия. Чем больше эта дистанция, тем более отчетлив оттенок враждебности или иронии в результирующем смысле высказывания.

6.3. Для модели (А) закрыт ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор, так как в случае последнего возможно только контрфактическое значение. Оно же возникает в случае использования модели (А) с инфинитивом СВ при ретроспективном темпоральном векторе.

6.4. Для модели (Б) возможна только футуральная темпоральная перспектива.

6.5. В модели (А) при проспективном значении темпорального вектора функции видовых форм дифференцированы: СВ называет собственно нежелательную ситуацию, НСВ — действие, которое лишь может привести к нежелательным последствиям и служит

точкой бифуркации. В отличие от (А), модель (Б) является контекстом регулярной конкуренции видов, выражаясь сильнее — контекстом регулярной нейтрализации видового противопоставления.

6.6. Системы значений первичной и третьичной реализаций обеих рассмотренных моделей в основных чертах совпадают, что объясняет частотное использование подобных ИВ в свободном косвенном дискурсе.

6.7. Порядок слов в моделях (А) и (Б) разрешает расположение дативного субъекта перед группой *не Inf* или после нее, но запрещает позицию между частицей *не* и инфинитивом.

Представленные в таблице типовые значения моделей высказываний (А) и (Б) имеют прагматический характер (ср. выражение «частный иллюкутивный тип» по отношению к упреку в [Падучева 2014]). По сути дела, каждая из рассмотренных комбинаций значений параметров задает не только типовое значение высказывания как вариант категориальной ситуации нежелательности, но и возможность использования модели в качестве определенного типа речевого акта / первичного речевого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко 2011 — Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2011. [Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammar system]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (in terms of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Добрушина 2012 — Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей *бы* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 42—64. [Dobrushina N. R. Infinitive constructions with the particle *by*. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 2 (24). Pp. 42—64.]
- Дурново 1929 — Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II: Синтаксис. М.; Л., 1929. [Durnovo N. N. *Povtoritel'nyi kurs grammatiki russkogo yazyka. Vyp. II: Sintaksis* [Refresher of the Russian grammar. No. 2: Syntax]. Moscow; Leningrad, 1929.]
- Дымарский 2005 — Дымарский М. Я. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания // Функционально-лингвистические исследования 2005: Сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб.: Наука; САГА, 2005. С. 13—25. [Dymarsky M. Ya. The three-level system of syntactic models and the problem of the utterance generation. *Funktsional'no-lingvisticheskie issledovaniya 2005: Sb. st. v chest' prof. A. V. Bondarko*. St. Petersburg: Nauka; SAGA, 2005. Pp. 13—25.]
- Дымарский 2013 — Дымарский М. Я. От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 308—330. [Dymarsky M. Ya. From sentence models to utterance modeling. *Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Indrik, 2013. Pp. 308—330.]
- Князев 2014 — Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (ред.). Русский язык: Грамматика конструкций и лексико-семантические подходы // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. СПб., 2014. С. 140—154. [Knyazev M. Yu. Interaction of word order and semantics in the infinitive construction with the particle *by*. *Russkii yazyk: Grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S., Ovsyannikova M. A., Oskol'skaya S. A. (eds). *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy In-ta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. X. Part 2. St. Petersburg, 2014. Pp. 140—154.]
- Кустова 2011 — Кустова Г. И. Лицо. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2011. [Kustova G. I. *Litsa. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Person. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2011.]

- Кустова 2013 — Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М.: Флинта; Наука, 2013. [Kustova G. I. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: Kurs lektzii* [Modern Russian syntax: Course of lectures]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов 1952 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovari, 1952.]
- Ожегов, Шведова 1999 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed., enlarged. Moscow: Azbukovnik, 1999.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vida i vremeni v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies (Semantics of aspect and tense in Russian; Semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2014. [Paducheva E. V. *Modal'nost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Modality. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2014.]
- Пешковский 2001 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific light]. 8th ed., enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E. V. (ed.). *Lingvistika konstruktssii*. [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—79. [Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Construction grammar: theory, followers, similar ideas. *Lingvistika konstruktssii*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 18—79.]
- Резникова 2011 — Резникова Е. В. Категория лица и транспозиции на ее основе // Сб. науч. тр. Sworld. По материалам междунар. науч.-практич. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011». Т. 23: Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 61—70. [Reznikova E. V. Category of person and transpositions on its basis. *Sb. nauch. tr. Sworld. Po materialam mezhdunar. nauch.-praktich. konf. «Nauchnye issledovaniya i ikh prakticheskoe primeneniye. Sovremennoe sostoyaniye i puti razvitiya 2011»*. Vol. 23: *Filosofiya i filologiya*. Odessa: Chernomor'e, 2011. Pp. 61—70.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Сай 2013 — Сай С. С. О статусе сочетаний нефинитных форм русского глагола с частицей *бы* // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9—12 апреля 2013 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 266—273. [Sai S. S. About the status of combinations of the Russian verb non-finite forms with the particle *by*. *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki: Sb. materialov konferentsii 9—12 aprelya 2013 g.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 266—273.]
- Тарланов 2008 — Тарланов З. К. Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII в. // Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 300—515. [Taranov Z. K. Infinitive sentences in XVIII-century standard Russian. Taranov Z. K. *Dinamika v razviti i funktsionirovanii yazyka*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2008. Pp. 300—515.]
- Тимофеев 1950 — Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: Учпедгиз, 1950. С. 257—301. [Timofeev K. A. About the main types of infinitive sentence in modern standard Russian. *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka*. Acad. V. V. Vinogradov (ed.). Moscow: Uchpedgiz, 1950. Pp. 257—301.]
- Тимофеев 1951 — Тимофеев К. А. Инфинитивные предложения в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Благовещенск-на-Амуре, 1951. [Timofeev K. A. *Infinitivnye predlozheniya v russkom*

- yazyke: Avtoref. dokt. diss. [Infinitive sentences in Russian: Author's abstract of the doct. diss.]. Blagoveshchensk-na-Amure, 1951.]
- Тимофеев 1954 — Тимофеев К. А. Инфинитивные предложения // Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 43—57. [Timofeev K. A. Infinitive sentences. *Grammatika russkogo yazyka. T. II: Sintaksis. Ch. 2.* Vinogradov V. V., Istrina E. S. (eds). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. Pp. 43—57.]
- Тимофеев 1956 — Тимофеев К. А. Заметки из истории инфинитивных предложений // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 250—259. [Timofeev K. A. Notes from the history of infinitive sentences. *Akademiku V. V. Vinogradovu k ego 60-letiyu: Sb. st.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1956. Pp. 250—259.]
- Daneš 1964 — Daneš F. A three-level approach to syntax. *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 1. Prague, 1964. Pp. 225—240.
- Dobrushina 2013 — Dobrushina N. R. The verbless subjunctive in Russian. *National Research University Higher School of Economics / Basic research program*. Working papers. Series: Humanities. Vol. 32. Moscow, 2013.
- Fortuin 2000 — Fortuin E. *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian*. Doct. diss. Institute for logic, language and computation, Amsterdam Univ. Amsterdam: ILLC dissertation series, 2000.
- Israeli 2013 — Israeli A. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. *Current Studies in Slavic Linguistics*. I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam, 2013. Pp. 199—224.
- Israeli 2014 — Israeli A. Dative-infinitive БИ constructions in Russian. Taxonomy and semantics. *New Insights into Slavic Linguistics*. Series: Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte. Vol. 3. J. Witkos, S. Jaworski (eds). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014. Pp. 141—160.

Статья поступила в редакцию 25.09.2014.